

Ю. А. Ливадная

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ДЕЛИКТА

© Ливадная Юлия Александровна (yulia.liwadnaya@yandex.ru), аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Конституционно-правовой деликт и преступление: общее и особенное». Автор 3 научных публикаций, в т. ч. научных статей: «Вопросы преступления и наказания в конституционных актах стран Азии», «Некоторые аспекты соотношения понятий конституционно-правового деликта и преступления».

Область научных интересов: конституционное право, сравнительное правоведение.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные характеристики объективной стороны конституционно-правового деликта как внешнего проявления данного вида правонарушения.

Проанализированы виды деяний, входящих в объективную сторону конституционно-правового деликта. Определено значение деяния в виде бездействия в рамках объективной стороны конституционно-правового деликта. На основании техники изложения конституционно-правовых норм предложена классификация видов деликтных действий: абсолютно определенные действия и относительно определенные действия. При этом предпринята попытка определения правовой природы негативных последствий совершения конституционно-правового деликта. На основе анализа объективной стороны конституционно-правового деликта автор статьи приходит к выводу, что с учетом максимально высокой степени общественной опасности конституционно-правовых деликтов их объективная сторона включает только само деяние в виде действия, тем самым состав указанного правонарушения характеризуется как формальный.

Ключевые слова: конституционно-правовой деликт, преступление, общественная опасность, общественно опасные последствия, деяние, формальный состав

Цитирование. Ливадная Ю. А. Объективная сторона конституционно-правового деликта // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-137-141>.

OBJECTIVE SIDE OF THE CONSTITUTIONAL DELICT

© Livadnaya Yulia Alexandrovna (yulia.liwadnaya@yandex.ru), postgraduate student, **Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation**, 34, B. Cheremushkinskaya Street, Moscow, 117218, Russian Federation.

Subject of planned Candidate's thesis: «Constitutional delict and crime: general and special». Author of 3 scientific works, including research articles: «Issues of Crime and Punishment in Constitutional Acts of Asian Countries», «Some aspects of correlation between definitions of constitutional delict and crime».

Research interests: constitutional law, comparative law.

ABSTRACT

The author considers main characteristics of the objective side of the constitutional delict as an external manifestation of such type of the offence. The author analyses types of acts that fall within the objective side of the constitutional delict. The meaning of an act of omission in the scope of the objective side of the constitutional delict is defined. The classification of the types of delictious acts based on the technique of restatement of the constitutional provisions has been suggested: the absolutely defined actions and relatively defined actions. Wherein, the author makes an attempt to expound the legal nature of negative consequences of the conducted constitutional delict. The author on the basis of analysis of the objective side of the constitutional delict concludes that, given the highest possible degree of public danger of constitutional delicts their objective side includes only the act itself in the form of an action, and thus the elements of this offence is characterised as formal.

Key words: constitutional delict, offence, public danger, publicly dangerous consequences, act, formal elements of the offence.

Citation. Livadnaya Yu. A. *Ob"ektivnaia storona konstitutsionno-pravovogo delikta* [Objective side of the constitutional delict]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no. 4, pp. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-4-137-141> [in Russian].

В общей теории правонарушения господствует подход о едином составе правонарушения независимо от его отраслевой принадлежности, включающий субъект правонарушения, само деяние с объективной и субъективной стороны и объект правонарушения [1, с. 81].

Внешнее проявление конституционно-правового деликта характеризует его объективная сторона, которая раскрывает само деяние, те негативные последствия к которым оно привело или могло привести, а также причинную связь между деянием и наступившими последствиями (если они имели место), в то же время она входит во внутреннюю структуру этого правонарушения. В юридической литературе при рассмотрении вопросов объективной стороны конституционно-правовых деликтов большинство исследователей акцентирует внимание на противоправности как основной характеристике деяния (Лучин В. О., Виноградов В. А., Серков П. П., Кондрашев А. А. и др.). Однако этот подход представляется не совсем оправданным, поскольку признак противоправности характеризует внешнее проявление конституционно-правового деликта в целом, а не отдельного структурного элемента в составе его объективных признаков.

По нашему мнению, при рассмотрении объективной стороны следует уделять внимание в первую очередь характеристике видов деяния, которые позволяют не только подробно рассмотреть сущность конституци-

онно-правового деликта, но и дифференцировать его от иных видов правонарушений.

Под деянием в рамках конституционно-правового деликта понимается деяние, которое причиняет вред объектам, охраняемым конституционным правом, либо ставит их под непосредственную угрозу причинения вреда [2, с. 38]. В самом общем понимании, как отмечают исследователи, это те деяния, которые отступают от требуемого государством должного поведения. Такое требование есть одновременно и запрещение недолжного поведения [3, с. 290].

При оценке соответствия деяния требованиям конституционно-правовых норм объективная сторона может выражаться в различных формах недолжного поведения. Так, по мнению С. А. Авакьяна, следует выделять следующие формы: а) неприменение государственно-правовой нормы; б) недолжное применение государственно-правовой нормы, что может выразиться в недостаточно эффективной реализации предписаний нормы; в) прямое нарушение государственно-правовой нормы [4, с. 22]. Однако неприменение государственно-правовой нормы и недолжное применение конституционно-правовой нормы, которое может выразиться в недостаточно эффективной ее реализации, достаточно квалифицировать на практике, поскольку в указанных случаях крайне затруднительно установить как наличие, так и отсутствие состава конституционно-

правового деликта, речь идет скорее о политической ответственности.

Именно прямое нарушение конституционно-правовых норм следует рассматривать в качестве деяния как элемента объективной стороны конституционно-правового деликта. Оно может быть выражено вовне как в форме активных противоправных действий, так и в противоправном несовершении предписанного законом поведения (бездействия). Это утверждение согласуется с позицией, принципиально поддержанной Н. М. Колосовой: «... конституционная ответственность наступает лишь в случае конституционного деликта, когда речь идет о прямом нарушении конституционных запретов либо невыполнении конституционных функций, задач, обязанностей, возложенных на государственные и общественные органы, их должностных лиц и граждан» [5, с. 106].

Как неоднократно отмечалось в юридической литературе, подавляющее большинство конституционно-правовых деликтов совершается путем активных действий [6, с. 33; 2, с. 36]. Неисполнение же лицом конституционно-правовых предписаний, в результате которого наступают общественно опасные последствия, образует деяние в виде бездействия. При этом следует согласиться с позицией В. О. Лучина о том, что «бездействие может быть признано таковым лишь при условии, если субъект конституционной ответственности не выполнил возложенной на него конституционной обязанности и не совершил действия, которые был должен совершить» [3, с. 291]. Примером бездействия является предусмотренное частью 3.1 статьи 4 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» основание досрочного прекращения полномочий депутата по инициативе фракции, в которой он состоит, или по инициативе комитета, членом которого он является, в случае неисполнения в течение 30 и более календарных дней перечисленных в законе обязанностей [7].

В зарубежных государствах описание бездействия, характеризующего проявление деяния в рамках конституционно-правового деликта, может иметь место в диспозиции конституционно-правовой нормы. Так, в соответствии с § 30 Конституции Норвежского Королевства от 17 мая 1814 г., «если кто-либо из членов Государственного совета сочтет, что решение Короля противоречит форме правления или законам государства либо что оно явно наносит ущерб государству, то его долг выступить против решения с энергичным представлением и занести свое мнение в протокол. Тот, кто не будет протестовать таким образом, считается согласным с Королем, вследствие этого он подлежит ответственности... и против него может быть возбуждено Одельстингом обвинение перед Государственным судом» [8, с. 662]. В Австрии обвинение против губернатора земли, его заместителя или члена правительства земли может быть возбуждено по решению Федерального правительства в связи с неисполнением постановлений или иных распоряжений (указаний) Федерации по вопросам непрямого федерального управления, а в отношении членов правительства земли также в связи с неисполнением ими указаний губернатора по таким же вопросам (п. «е» части 2 статьи 142 Конституции Австрийской Республики) [9, с. 104].

Несмотря на достаточно незначительное количество деяний в виде бездействия, которые нашли свое

отражение в конституционно-правовых нормах, нельзя не согласиться с мнением Д. Т. Шона: «...если бы ответственность применялась только за неправильные и противозаконные решения, то органы и должностные лица стремились бы вообще уклониться от принятия каких-либо решений» [10, с. 38].

В отличие от бездействия, перечень деяний в виде действия весьма разнообразен. Основываясь на анализе юридической техники изложения деликтных действий в конституционном праве, можно их разделить на две следующие группы.

1. Абсолютно определенные действия, включающие действия, изложенные в описательных диспозициях конституционно-правовых норм, и действия, изложенные в бланкетных диспозициях конституционно-правовых норм.

Примером запрещенных действий, изложенных в описательной диспозиции конституционно-правовой нормы, является часть 3 статьи 13 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Аналогичные диспозиции – не редкость в конституционно-правовых нормах зарубежных стран. Так, например, в соответствии с частью 1 статьи 26 Основного закона ФРГ запрещены действия, способные нарушить мирную совместную жизнь народов и предпринимаемые с этой целью, в частности, для подготовки к ведению агрессивной войны [9, с. 589]. Конституцией Венесуэлы запрещается публичным властям, гражданским или военным в условиях чрезвычайного положения отменять или ограничивать конституционные права, принимать, давать разрешения или допускать насильственное исчезновение лиц (статья 45) [11, с. 319–320].

Бланкетные диспозиции конституционно-правовых норм предполагают отсылку к положениям в основном уголовного законодательства, в нормах которого раскрывается определение соответствующих действий. Подобная практика широко распространена во многих странах мира. Так, например, в соответствии с частью 1 статьи 93 Конституции Российской Федерации одним из оснований для отрешения Президента Российской Федерации от должности Советом Федерации является обвинение его в государственной измене, выдвинутое Государственной Думой. При этом понятие государственной измены, определяемой как совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, раскрывается в части 1 статьи 275 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В соответствии со статьей 45 Конституции Австралии должность сенатора или депутата Палаты Пред-

ставителей становится вакантной, если он напрямую или косвенно принимает или соглашается принять взятку или гонорар за оказание услуг в пределах Австралийского Союза или в Парламенте от любого лица или штата [12]. Уголовный кодекс Австралии содержит исчерпывающий перечень действий, совершение которых дает основание признать публичного чиновника Австралийского Союза виновным в получении взятки (часть 3 статьи 141.1) [13, с. 233].

Определенный интерес представляет норма части 1 статьи 46 Основного закона ФРГ, в соответствии с которой депутат ни в какое время не может быть подвергнут преследованию в судебном или административном порядке или иначе привлечен к ответственности вне Бундестага за свое голосование или высказывание в Бундестаге или в одном из его комитетов. Это не относится к клеветническим оскорблениям (нем. *Verleumderische Beleidigungen*. – Ю. Л.) [9, с. 595; 14]. При этом основание привлечения в конституционной ответственности за клеветнические оскорбления представляет собой сложное правовое явление, поскольку в § 185 и 187 Уголовного уложения (Уголовного кодекса) ФРГ содержатся два обособленных состава преступления – оскорбление (*Beleidigung*) и клевета (*Verleumdung*) [14]. Исходя из изложенного, остается неясным вопрос о том, подлежит ли депутат Бундестага конституционной ответственности в случае совершения совокупности этих преступлений либо имеет место иной неочевидный из смысла конституционно-правовых и уголовно-правовых норм правоприменительный подход.

2. Относительно определенные действия, деликтность которых определяется, исходя из характера и степени общественной опасности или определенного вида и/или срока наказания за их совершение.

Указание на степень общественной опасности совершенного деяния имеет место, например, в части 1 статьи 93 Конституции Российской Федерации Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности при соблюдении установленной процедуры в случае обвинения его в совершении тяжкого преступления. Аналогичные основания отрешения от должности установлены, например, в отношении главы государства частью 1 статьи 107 Конституции Азербайджана, частью 1 статьи 95 Конституции Румынии, статьей 159 Конституции Египта, статьей 108 Конституции Мексики; в отношении главы государства, а также в качестве основания лишения депутатской неприкосновенности в отношении членов парламента – статьями 88 и 102 Конституции Беларуси, частью 1 статьи 90 и частью 3 статьи 73 Конституции Албании; исключительно в отношении депутатов – статьей 70 Конституции Болгарии, частью 13 статьи 15 Конституции Ирландии.

Практика отражения в конституционно-правовых нормах характера совершенного деяния является менее распространенной. Примером такого подхода законодателя является § 113 Конституции Финляндии, в соответствии с которым одним из оснований отрешения Президента от должности названо обвинение его в совершении преступления против человечества [15, с. 395].

Определение деликтности тех или иных действий, исходя из определения вида и (или) срока наказания, называемого в случае их совершения, также весьма распространено в конституционно-правовых нормах стран мира. Так, например, в Хорватии депутат может быть арестован без согласия

палаты Сабора только в том случае, если он был застигнут в момент совершения преступления, за которое предусмотрено наказание не менее пяти лет лишения свободы (статья 75 Конституции Хорватии) [15, с. 460]. В Швеции член Риксдага может быть лишен депутатской неприкосновенности, когда речь идет о преступлении, за которое установлено наказание не меньшее, чем тюремное заключение сроком на два года (§ 8 Конституции Швеции) [15, с. 607].

Следует отметить, что в статьях конституций и актов конституционного значения абсолютно определенные и относительно определенные действия не являются строго обособленными друг от друга. Анализ практики их изложения показывает, что законодателями стран мира используется смешанный подход, позволяющий в рамках одной статьи объединять действия, изложенные в диспозициях конституционно-правовых норм, и действия, деликтность которых определяется, исходя из характера и степени общественной опасности или определенного вида и/или срока наказания за их совершение.

Деяние в рамках состава объективной стороны конституционно-правового деликта, как и преступление, может повлечь за собой наступление негативных последствий в виде причинения вреда тем или иным охраняемым законом общественным отношениям, явлениям, благам. До настоящего времени в юридической литературе правовая природа этих последствий не изучена в достаточной степени. Между тем можно смело утверждать, что и для конституционно-правового деликта и для преступления характерны именно общественно опасные последствия, что объясняется максимально высокой степенью общественной опасности этих двух видов правонарушений по сравнению с другими правонарушениями.

Анализ конституционно-правовых норм стран мира показывает, что упоминание о наличии общественно опасных последствий весьма редко в них встречается, но тем не менее такие нормы существуют. Например, в соответствии с частью 1 статьи 23 Конституции Австрии, «федерация, земли, районы, общины и другие объединения, а также и учреждения публичного права несут ответственность за ущерб, причиненный лицами, действующими в качестве их представителей при исполнении законов и виновными в противоправном поведении» [9, с. 42]. Конституция Испании обязывает органы власти следить за рациональным использованием всех природных ресурсов в целях сохранения и улучшения качества жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды, опираясь при этом на необходимую коллективную солидарность. Лица, нарушившие эти положения, «подлежат, в соответствии с законом, уголовной или административной ответственности и обязаны возместить причиненный ущерб» (части 2 и 3 статьи 45 Конституции Испании) [8, с. 59].

Структура приведенных норм во многом объясняет отсутствие указания на характер причиненного вреда в рамках объективной стороны конституционно-правового деликта. Действительно, вред, причиненный при совершении конституционно-правового деликта, выходит за рамки его состава и лежит в плоскости защиты чаще всего уголовного, административного или гражданского права.

Изложенное позволяет сделать вывод, что ввиду максимально высокой степени общественной опасности конституционно-правовых деликтов их объективная сторона включает только само деяние в виде дей-

ствия, тем самым состав указанного правонарушения характеризуется как формальный.

Библиографический список

1. Денисов Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 142 с.

2. Виноградов В. А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. 288 с.

3. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 687 с.

4. Авакьян С. А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. 1975. № 10. С. 16–24.

5. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М.: Городец, 2000. 192 с.

6. Забровская Л. В. Конституционно-правовые деликты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 198 с.

7. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74; 2001. № 32. Ст. 3317; 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3104; 2008. № 44. Ст. 4996; 2009. № 20. Ст. 2391; 2010. № 31. Ст. 4181; 2016. № 19. Ст. 2670; 2017. № 24. Ст. 3476.

8. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л. А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. 840 с.

9. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1 / под ред. Л. А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. 824 с.

10. Шон Д. Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. № 7. С. 35–43.

11. Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3 / под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. 1168 с.

12. Конституция Австралии. Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://worldconstitutions.ru>.

13. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 388 с.

14. Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V. // Strafgesetzbuch (StGB). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html>.

15. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под ред. Л. А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001. 792 с.

References

1. Denisov Yu. A. *Obshchaia teoriia pravonarusheniia i otvetstvennosti (sotsiologicheskii i iuridicheskii aspekty)* [General theory of offence and liability (sociological and legal aspects)]. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1983, 143 p. [in Russian].

2. Vinogradov V. A. *Konstitutsionnaia otvetstvennost': voprosy teorii i pravovoe regulirovanie* [Constitutional liability: theory and legal regulation]. M., 2000, 288 p. [in Russian].

3. Luchin V. O. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii. Problemy realizatsii* [Constitution of the Russian Federation. Implementation issues]. M.: IuNITY-DANA, 2002, 687 p. [in Russian].

4. Avakyan S. A. *Gosudarstvenno-pravovaia otvetstvennost'* [State legal liability]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1975, no. 10, pp. 16–24 [in Russian].

5. Kolosova N. M. *Konstitutsionnaia otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii: Otvetstvennost' organov gosudarstvennoi vlasti i inykh sub'ektov prava za narushenie konstitutsionnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional liability in the Russian Federation: liability of public authorities and other subjects of law for violation of the constitutional legislation of the Russian Federation]. M.: Gorodets, 2000, 192 p. [in Russian].

6. Zabrovskaya L. V. *Konstitutsionno-pravovye delikty: Diss. ...kand. iurid. nauk* [Constitutional and legal delicts: Candidate's of Legal Sciences thesis]. M., 2003, 198 p. [in Russian].

7. *Federal'nyi zakon ot 08.05.1994 № 3-FZ «O statuse chlena Soveta Federatsii i statuse deputata Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii» (red. ot 29.07.2017)* [Federal Law as of 08.05.1994 № 3-FZ «On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (as amended on 29.07.2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 2, Article 74; 2001, no. 32, Article 3317; 2005, no. 30 (Part 1), Article 3104; 2008, no. 44, Article 4996; 2009, no. 20, Article 2391; 2010, no. 31, Article 4181; 2016, no. 19, Article 2670; 2017, no. 24, Article 3476 [in Russian].

8. *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 2. Pod red. L. A. Okun'kova* [Constitutions of European states: in 3 Vols. Vol. 2. L. A. Okunkov (Ed.)]. M.: NORMA, 2001, 840 p. [in Russian].

9. *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 1. Pod red. L. A. Okun'kova* [Constitutions of European states: in 3 Vols. Vol. 1. L. A. Okunkov (Ed.)]. M.: NORMA, 2001, 824 p. [in Russian].

10. Shon D. T. *Konstitutsionnaia otvetstvennost'* [Constitutional liability]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 1995, no. 7, pp. 35–43 [in Russian].

11. *Konstitutsii gosudarstv Ameriki: v 3 t. T. 3. Pod red. T. Ia. Khabrievoi* [Constitutions of the American States: in 3 Vols. Vol. 3. T. Ya. Khabrieva (Ed.)]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2006, 1168 p. [in Russian].

12. *Konstitutsiia Avstralii. Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Internet-biblioteka konstitutsii Romana Pashkova* [Constitution of Australia. Constitutions of states (countries) of the world. Internet library of constitutions of Roman Pashkov]. Available at: <http://worldconstitutions.ru>. [in Russian].

13. *Ugolovnyi kodeks Avstralii 1995 g.* [Australian Criminal Code of 1995]. SPb.: Iuridicheskii tsentr Press, 2002, 388 p. [in Russian].

14. Deutsch-Russische Juristenvereinigung e.V. In: *Strafgesetzbuch (StGB)*. Available at: www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html [in German].

15. *Konstitutsii gosudarstv Evropy: v 3 t. T. 3. Pod red. L. A. Okun'kova* [Constitutions of European states: in 3 vols. Vol. 3. L. A. Okunkov (Ed.)]. M.: NORMA, 2001, 792 p. [in Russian].